TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 645 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды по русской и славянской филологии

Литературоведение

ТАРТУ 1985

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-1850 ГГ.

П.С. Рейфман

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ

В начале издания "Молвы", в программном заявлении, говорилось, что одним из важнейших отделов ее станет отдел "Изящной словесности". Но, как и в случае с литературной критикой, вопреки обещаниям, "словесность" не заняла в "Молве" не только первостепенного, а и сколь-либо важного места. Нельзя утверждать, что проза и поэзия славянофильской газеты были связаны целиком с консервативными установками, противостояли реалистической литературе своего времени, но следует признать, что в числе ее сотрудников не оказалось талантливых прозаиков и поэтов; редакции не удалось обеспечить газету значимыми и интересными художественными произведениями, и в этом, видимо, сказалась некоторая закономерность.

В № I был опубликован "Отрывок из очерков помещичьего быта 1800 годов" С.Т. Аксакова. Читателям как бы обещалось продолжение "Очерков...", дальнейшее сотрудничество в "Молве" автора "Семейной хроники", недавно вышедшей отдельной книгой и имевшей шумный успех. Однако участие Аксакова-беллетриста в газете ограничилось упомянутой публикацией.

Большая часть прозы, напечатанной в "Молве", - очерки с этнографическим оттенком, бытовые зарисовки, жанровые картинки, не очень значительные, довольно посредственные по выполнению, но смыкающиеся обычно с кругом славянофильских идей. Здесь следует отметить сценки, изображающие сборы и хождение на богомолье, опубликованные в нескольких номерах под астронимом. К ним примыкают и "Охотничьи рассказы" Н.С. Толстого.

Нередко в газете встречаются очерки из чиновничьего быта, с критикой чиновников, не особенно резкой, а иногда и с оправданием их. В сценах "Встречи, разговоры и рассказы. Из записок N." А. Чебышев-Дмитриев рисует образ чиновника Калины Григорьевича. Его герой честен, взяток не берет, но считает

высокие требования к чиновничеству чистым идеализмом; те все равно в сути вещей ничего изменить не могут, поэтому и нападки на них бесполезны и неправомерны. Сам Калина Григорьевич не чувствует от работы никакого удовлетворения, он тянет служебную лямку, стараясь ни во что не вмешиваться, и находит это наиболее целесообразным вариантом. На первый взгляд может показаться, что здесь вырисовывается демократическое решение проблемы: дело не в людях, а в обстоятельствах. В действительности же очерк написан в весьма примирительном духе: вокруг много нехорошего, но все решается не просто, все - люди, все - человеки, никого осуждать не должно.

Продолжение сцен Чебышева-Дмитриева под тем же названием напечатано в № 11. В них идет речь о смотрителе богадельни, которого знал автор в молодости. Тот подтрунивает над чиновниками, над их трепетом перед начальством, но сам во время ревизии держит себя подобострастно, старается создать видимость благополучия. Напрашивается вывод: не смейтесь над другими, сами не лучше.

Третий из очерков "Встречи, разговоры и рассказы", опубликованный в № 27, называется "Образцовый человек". Он обнаруживает отчетливо традицию, на которую ориентируются зарисовки Чебышева-Дмитриева. Один из персонажей очерка, исправник, характеризует некоего Егора Александровича как образцового человека. С ним не соглашается его собеседник, типичный добродетельный резонер. Он обличает Егора Александровича, говоря, что тот - "самый ревностный приверженец крутогорского порядка вещей! Кругом него взяточничество, притеснения, беспорядки, - и он ничего не видит и боится увидеть что-нибудь, чтобы как-нибудь не поссориться с кем-нибудь" (315). В сноске дается прямая отсылка к "Губернским очеркам" Щедрина. Как и в описании богомольцев, воздействие щедринского произведения на очерки о чиновниках несомненно. Но традиция, ориентированная на "Губернские очерки", ощущается в "Молве" в сниженном преломлении. Она утрачивает свою резкость, силу и всесторонность отрицания, художественную живость и совершенство изображения жизненных явлений. Увеличиваются морализаторские тенденции. Общее заменяется частным и случайным.

В духе бытового нравоописания выдержано начало "Записок мещанина", напечатанное в № 33 под псевдонимом "Макс". Редакция обещала продолжение "Записок", но обещания своего не выполнила, видимо, из-за прекращения в скором времени "Молвы". "Записки" даны в форме беллетризированной биографии

рассказчика, с обилием бытовых зарисовок этнографического характера. Они перекликаются отчасти с очерками "натуральной школы", но автор их рисует в идиллических тонах старый патриархальный мещанский быт.

Воздействие "натуральной школы", комедий Островского ощущается и в сценах Д.В. Дмитриева "Механика" (№ 34). Их содержание - разговор двух приказчиков о плутнях, способах надувать хозяев. Широко использована здесь городская простонародная речь, словечки купеческого обихода.

Содержание ряда произведений "словесности", появившихся в "Молве", определяется целиком задачами полемики с противниками славянофильства. В духе этой полемики выдержаны две сценки "Проба пера" (№ 10). Герой первой из них, Петреев, сознает, что стал плохим, эгоистичным, лживым человеком. Он мог бы воскресить в себе благородные порывы молодости, стать прежним, но это бы означало вернуться назад, с чем Петреев примириться не способен. Не исключено, что и фамилия Петреева дана ему не случайно и ориентирована на Петра I.

Вторая сценка изображает проезжих, сидящих в телеге и беспрерывно кричащих: вперед! вперед! Шутники ночью повернули у них оглобли, и тройка едет в обратном направлении, назад, но проезжие знать ничего не хотят; все равно - вперед!" - восклицают они. "У вас видно там вперед, где дуга, - - замечают прохожие. - Этак немудрено вперед ехать" (118). Вряд ли можно всерьез говорить не только о художественных достоинствах упомянутых сцен, но и об их остроумии. Но в полемике с противниками они должны были играть определенную роль.

В назидательно-резонерском тоне выдержан рассказ Грицько Григоренко (Г.А. Кушелева-Безбородко) "Красненькая, серенькая и радужная" (№ 31). Из трех ассигнаций в 10, 50 и 100 руб. рассказчику мила лишь первая, принесенная мужиком, заработанная честным трудом. Две другие ассигнации, одна из которых прислана приятелем, уехавшим на доходное место в провинцию, а вторая выиграна в карты у богатого барина, не вызывают сочувствия и симпатии. Идеологическая линия "словесности" "Молвы" как бы подытоживается неоконченной комедией Имрека (К. Аксакова) "Отвлеченные люди".

Сравнительно немного и не слишком высокого качества печаталось в "Молве" и стихов. Обычно в номере публиковалось одно стихотворение. Во многих номерах (5, 6, 9-12, 15 и др.) стихов вообще нет. В последние недели издания количество

стихотворений несколько увеличивается. Возможно, редакция пытается таким образом компенсировать нехватку другого материала, вызванную цензурными придирками.

Как правило, стихотворения "Молвы" написаны поэтами не слишком талантливыми, не сделавшими поэзию делом своей жизни, своего рода "любителями", стихотворцами даже не второго ряда. Чаще всего на страницах "Молвы" появляются стихи криминалиста А.П. Чебышева-Дмитриева. Это любовная и пейзажная лирика ("Вечером" в № 4, "К Лауре" в № 5, "Люблю я утра час немой" в № 7, "В глуши" в № 14, "Рыбак" в № 24). Стихотворения выдержаны большей частью в камерном тоне, хотя пейзажная лирика, поэзия родной русской природы как-то перекликалась, хотя и не прямолинейно, с славянофильскими концепциями. Печатает Чебышев-Дмитриев и переводы: в № 20 два стихотворения из А. Мюссе ("Не пой этой песни", "Когда, Джульета, ночь настанет), в № 29 "Песня Гретхен" из "Фауста" Гете.

В "Молве" появилось стихотворение Гейне "Богомолье в Кевларе" в переводе Д.П. Ознобишина (№ 8), подражание Беранже "Моя каморка" Н. Карпачова (№ 30). Редакция не была принципиально нетерпимой к зарубежной поэзии, но обращалась лишь к лирике и к тем стихотворениям, которые как-то поэтизировали жизнь "маленького человека" (подражание Беранже). Да и вообще любовная лирика определяла в очень значительной степени облик поэтического отдела "Молвы" ("Она" Д. Малиновского, "Мой друг, любовь мы оба знали", "Твои уста, твой взор молили" в № 37, бо́льшая часть из "Семи стихотворений" Н.М. Павлова в № 13 и др.).

Самым значимым из стихотворного материала "Молвы" было стихотворение Пушкина "Краев чужих неопытный любитель" (№ 3), хотя и истолкованное в славянофильском духе.

Наряду с поэзией камерной тональности, в "Молве" публиковалось немало стихотворений гражданского звучания, пропагандировавших славянофильские концепции. Многие из них написаны редактором, К. Аксаковым. Так, в № I помещено его стихотворение "Веселью", где радость жизни, веселье рассматривается как признак душевной чистоты. Знаменательно, что славянофильская тенденциозность вовсе не основывается на аскетизме, суровом самоограничении. И, призывая твердо стоять за добро, Аксаков одновременно восхваляет веселье.

В ряде стихотворений "Молвы" звучат мотивы благости Творца, Божественного Промысла, определяемые отношением славянофилов к православию, их религиозными воззрениями. О не-

которых из таких стихотворений шла речь в предыдущих статьях. К их числу принадлежит и стихотворение "Страннику", опубликованное без подписи в № 166 с призывами автора к скитальцу-страннику пасть на колени, возвысить очи к небу, слиться душой с гармонией мира и славить Творца "утра и ночи" (182).

В стихотворении Аксакова "Толпа эмпириков" (№ 36) осуждается приземленный эмпиризм, боящийся полета мысли. Сочувствие автора целиком на стороне идеалистического мировосприятия.

Славянофильское прославление Москвы определяет звучание стихотворения "Олег", напечатанного без подписи в № 31. Здесь провозглашается, что Москва, а не Киев - мать русских городов (Киев не может претендовать на это название даже с точки зрения правил грамматики).

В стихотворениях "Молвы" встречается поэтизация народного быта ("Сарафан" Н.М. Павлова в № 13). Некоторые из них выдержаны в тональности народных песен ("В дороге" в № 23). В одном стихотворении вспоминается няня-крестьянка, рассказывающая в детстве автору народные сказки ("Воспоминания" Чебышева-Дмитриева в № 30). В стихотворении того же автора "В альбом ... ой" (№ 38) затрагивается тема родины, России, особо остро ощущаемая поэтом на чужбине.

Стихотворения гражданской тональности выдержаны, как правило, в бодром, жизнеутверждающем духе. Используется символика рассвета, весны ("Страннику" в № 16, "Весна" в № 35). Часто здесь звучит уверенность в победе над силами зла, но и мотивы примирения.

В стихотворении Аксакова "Семилетнему Л-у" затрагивается тема связи поколений, любящих свою землю, родину. Поэт приветствует молодое поколение, ощущает свою близость к нему.

Как бы эпилогом, подводящим итог направлению "Молвы", является стихотворение XXX "Кибиточки". Тема, затронутая в нем, рассказ о матери-крестьянке, кормящей сына на поле, во время жатвы, встречается у различных поэтов (например, у Т. Шевченко в стихотворении "На панщині пшеницю жала"). В "Кибиточках", как и у украинского поэта, затронута тема тяжелой судьбы народа. Но главное здесь - бодрая вера в будущее, в изменение жизни крестьян, уничтожение крепостного права.

Таким образом, содержание "Молвы" было отнюдь не реакционным и не официальным. Не случайно власти относились к

ней с таким недоброжелательством. При этом следует напомнить, что речь идет о 1857 годе, т.е. о самом апогее цензурного либерализма.[1] Тем не менее почти каждый номер "Молвы" вызывал недовольство властей. О многих случаях такого недовольства уже шла речь и в этой и в предыдущих статьях в связи с обзором ряда конкретных высказываний, опубликованных в славянофильской газете. К уже приведенным случаям можно прибавить и многие другие. Так, например, чиновник особых поручений Волков в рапорте от 20 июля на имя товарища министра просвещения обращал внимание на заметку в "Смеси" № 9 "Публичные чтения в Киеве профессора Селина". Волкову не нравилось, что в заметке, высоко оценивающей лекции Селина об европейской средневековой поэзии, о Данте, его чтение противопоставлялось обычной университетской рутине. Автор заметки утверждал, что, благодаря подобным лекциям, "университет в глазах общества перестает быть полуживым, если не совсем мертвым заведением"; пока же общественное мнение считает, что "университет, кадетский корпус, семинария почти одно и то же, с небольшими оттенками и с различием в одежде". Волков находил такие заявления неблаговидными[2]. Недовольство цензурных инстанций приводило к репрессивным мерам, направленным против "Молвы". Так, на рапорте Волкова о №№ 4, 5 "Молвы", где шла речь о взглядах редакции на народность, на петровскую и допетровскую Россию, на славянские народы и т.п.[3], чернилами приписано, что сообщенные сведения следует довести до сведения Главного управления цензуры, со всеми номерами "Молвы", со сделанными на них пометками. Здесь же

---

[1] Конечно, этот либерализм был весьма относительным. Так, например, министр народного просвещения писал 27 декабря 1857 г. помощнику попечителя Московского учебного округа о том, что некоторые писатели и журналисты "не умеют ценить облегчений, которые, в последнее время, были им оказаны". Норов отмечал, что министерству прискорбно видеть такое поведение, грозил репрессиями. По его словам, "не переставая охранять эти облегчения и содействовать благоразумному развитию деятельности во всех областях литературы, тем строже и решительнее Министерство будет действовать против легкомыслия и злоупотреблений печати". МГА, ф. 31, оп. 5, № 393, л. 55 об. Далее: № 393).

[2] ЦГИАЛ, ф. 772, оп. I, 1857, № 4152, л.10. Далее: № 4152.

[3] Рейфман П.С. К истории славянофильской журналистики 1840-х - 1850-х годов. Статья вторая. - Учен.зап./Тарт. гос. ун-т, 1979, вып. 491, с. 55.

товарищ министра просвещения добавил: "После того я писал Московскому попечителю о "Молве" и говорил ему в Петербурге об этой газете и вообще о московских журналах и цензуре. За тем можно считать это дело пока конченным"[4]. Словечко "пока", употребленное товарищем министра, было весьма многозначительным. И 7 июля на имя Волкова была отправлена из министерства Просвещения записка, в которой говорилось, что товарищ министра приказал, чтобы "на порученную Вашему рассмотрению газету "Молва" Вы обращали особое внимание и немедленно представляли его Сиятельству номера сей газеты, содержащие <...> сомнительные места"[5].

По поводу рапорта Волкова от 20 июля, где речь шла о передовой № 9 "Молвы" и о заметке о лекциях профессора Селина, товарищ министра просвещения 30 июля делает замечание попечителю Московского учебного округа. Он находит, что как бы ни были хороши лекции Селина, похвалы им не должны служить к унижению кадетских корпусов и семинарий, к отрицанию пользы, которую приносил и приносит Киевский университет; повторение подобных отзывов "в печати неприлично и не должно быть терпимо".[6] Попечителю предлагается сделать предупреждение редактору и цензору, фон-Крузе, обязав последнего быть внимательнее при пропуске статей для "Молвы". Из дела видно, что материал о № 9 "Молвы" в первой половине августа доложен царю.

Московским цензорам, проверявшим статьи, предназначенные для "Молвы", приходилось неоднократно выслушивать строгие замечания раздраженного вышестоящего начальства. Цензурование славянофильской газеты оказалось делом далеко не благодарным. Фон-Крузе, который цензуровал "Молву" с момента ее появления, после скандалов, вызванных материалами 4, 5, 9, 18 номеров, был заменен цензором Гиляровым-Платоновым. Решение об этом принято на заседании Московского цензурного комитета 6 сентября 1857 г., а уже 19 октября в рапорте Волкова обращалось внимание на статью Сахарова "О воспитании в духе народности". В результате Гиляров-Платонов получил по распоряжению министра Народного просвещения "строжайшее замечание".

---

[4] № 4152, л. 1.

[5] Там же, л. 4.

[6] Там же, л. 12 об.

В начале сентября редакция "Молвы" вынуждена прекратить печатать передовые, игравшие столь важную роль в определении направления газеты. Последняя из них опубликована в № 22 ("Москва, 6 сентября"). После этого, без всякого объяснения, передовые исчезают. А ведь они были одним из главных отделов "Молвы", наиболее непосредственно выражали программные установки и именно поэтому вызывали особенное недовольство цензуры. Очевидно, Московский цензурный комитет принял к исполнению инструктивную реплику, высказанную по поводу передовой № 18 в предложении товарища министра Народного просвещения от 3 сентября. Там говорилось, что "политика не входит в число предметов", определенных программой "Молвы".

Еще до этого издатели славянофильской газеты пытаются преуменьшить, видимо, из цензурных соображений, роль К.С. Аксакова в редакционных делах. В конце № 20, вскоре после публикации передовой № 18 о народности, вызвавшей скандал, помещено "Объявление", в котором говорилось, что К.С. Аксаков, вопреки слухам, не входит в состав редакции "Молвы", что его сотрудничество ограничивается авторством неподписанных передовых статей. Тем самым Аксаков брал на себя ответственность за передовые, стремясь обезопасить остальные отделы газеты.

С прекращением передовых "Молва" на некоторое время тускнеет. Имя Аксакова почти исчезает с ее листов. Видимо, редакция пыталась соблюдать осторожность. Но это продолжалось недолго. В ноябре номера газеты вновь становятся острее и интереснее, под многими статьями стоит подпись Аксакова. В № 36 напечатан без подписи "Опыт синонимов . Публика - народ", с которым связана новая волна репрессий. По резкости и оппозиционности "Опыт синонимов" вряд ли отличался от других материалов "Молвы", вызывавших недовольство властей, но он был свидетельством того, что редакция, несмотря на многократные предупреждения, не собирается менять направление. Разразившаяся "гроза" оказалась подготовленной всем предыдущим. 23 декабря 1857 г. министр Народного просвещения направил помощнику попечителя Московского учебного округа грозное послание: "В литературной газете Молва (№ 36, 14-го декабря текущего года) напечатана весьма неуместная, и по духу и по выражениям, статья, под заглавием: Опыт Синонимов. Публика-народ. Подобные определения, писанные в духе исключительности и пристрастия, могут только служить к возбуждению враждебных соотношений между различными сословиями общества. Выставлять низших членов общества образцами всех возможных

добродетелей, а высших, по мере возвышения их на ступенях гражданского устройства, примерами всех возможных недостатков и нравственных слабостей, в одном смысле легкомысленно и несправедливо, а в другом вредно и пагубно по последствиям, которые подобные лжеумственные парадоксы могут повлечь за собой. Особенно же в нынешнее время и при настоящих обстоятельствах, такое превратное направление должно быть признано по крайней мере в высшей степени необдуманным и неосторожным".[7]

Знаменательно, что министр указывает на особую неуместность выступления "Молвы" с учетом "нынешнего времени" и "настоящих обстоятельств". Готовя реформу, правительство прекрасно сознавало враждебность народа правящим классам и крайне нервно реагировало на каждый факт, который мог стать поводом к усилению такой враждебности.

Подробно остановившись на ряде фраз из "Опыта синонимов", которые оцениваются как неуместные и предосудительные, министр связывал статью № 36 с общим направлением "Молвы", видя в ней выражение закономерных для редакции тенденций: "Нельзя не заметить, что многие статьи, помещенные в газете Молва, отличаются направлением, которое не согласуется вполне ни с правилами цензуры, ни с теми благонамеренными началами, которые должны служить основанием каждому литературному произведению"[8]. Как пример, министр приводил статью № 32 "Мысли козака о козачестве", где шла речь о несостоятельности современных попыток возродить казачество. По словам Норова, в статье "неосторожно и произвольно затрагиваются вопросы, не подлежащие частному литературному обсуждению".[9]

В конце письма говорилось о репрессиях, которые было решено применить к неосторожному цензору и непокорной редакции: "Вследствие всего вышесказанного, покорнейше прошу Ваше Сиятельство обратить еще раз особенное внимание Московского Цензурного Комитета на редакцию Молвы и объявить наистрожайший выговор редактору ее и цензору, внушив одному не увлекаться впредь подобным превратным направлением, под опасением потерять право на издание газеты, а другому быть осмотрительнее и внимательнее в исполнении своих обязанностей, под

[7] № 393, л. 47-47 об.

[8] Там же, л. 48 об.

[9] Там же, л. 48 об. - 49.

опасением немедленно лишиться своего места, если он еще хотя один раз подвергнет себя замечанию высшего начальства"[10].

Внизу официального текста Норов сделал собственоручно чернилами приписку: "Прибавляю к сему, что единственно из уважения к лицу, чрез ходатайство коего г. Гиляров назначен цензором, я ограничиваюсь ныне делаемым мною распоряжением. Вместе с сим по соглашению моему с г. Попечителем Московского учебного округа, прошу Ваше Сиятельство поручить цензирование газеты Молва цензору Безсомыкину и уведомить меня с первою почтою, кто автор упомянутой статьи"[11].

Несколько позднее, 26 декабря, Норов сообщал помощнику попечителя: "Государь Император, на всеподданнейшем докладе моем о статье под заглавием: "Опыт синонимов. Публика-народ", напечатанной в № 36 газеты "Молва", соизволил наложить следующую Высочайшую резолюцию: "Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции Молвы, что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редакторы и цензор подвергнутся строгому взысканию".

О сем Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Сиятельство для надлежащего распоряжения"[12].

Таким образом, "Молва" не была запрещена. Правительство, провозглашая как раз в это время политику поощрения "гласности", видимо, не хотело будоражить общественное мнение насильственным прекращением славянофильской газеты. Но продолжать издание при таких условиях было чрезвычайно трудно. Сразу же начались придирки нового цензора, Бессомыкина. Вынужденный соблюдать сугубую осторожность, независимо даже от собственного мнения, он информирует Московский цензурный комитет "о встреченных им затруднениях одобрить к печати некоторые места из статей, предназначенных к помещению в № I журнала "Молва" на сей год"[48]. Ничего серьезного, вероятно, в данном случае не было, так как комитет разрешил печатать статьи, за исключением отдельных мест[13].

Обсуждение в цензурном комитете статей для № I "Молвы" свидетельствует, в частности, о том, что редакция, несмотря на все передряги, намеревалась продолжать издание. Но осуще-

---

[10] Там же, л. 49 - 49 об.

[11] Там же, л. 49 об.

[12] Там же, л. 51-51 об.

[13] Там же, № 398, л. 24 об. - 25.

ствить свое намерение оказалось далеко не просто. Ко всему прочему прибавлялось и то, что Шпилевский, еще до "цензурной грозы" из-за "Опыта синонимов", отказался от редактирования "Молвы" с начала 1858 г. 5-го декабря 1857 г., ставя об этом в известность цензурный комитет, Шпилевский просит утвердить вместо него редактором губернского секретаря Н.М. Павлова, только что переехавшего на жительство в Москву (в конце октября). Такое же прошение подает и сам Павлов.[14] Обсуждение его кандидатуры в цензурных инстанциях происходит как раз во время скандала по поводу "Опыта синонимов". Павлов так и не был утвержден редактором "Молвы", хотя власти и не отклонили официально его кандидатуры.

Переговоры о назначении нового редактора также свидетельствуют о намерении издателей "Молвы" продолжать выпускать газету в будущем году. Об этом же шла речь в редакционной статье, подписанной Шпилевским и напечатанной в № 36 "Об издании газеты "Молвы" в 1858 году". Здесь говорилось, что основные убеждения, программа редакции и на новый год остаются прежними, что в будущем "Молва" постарается быть ближе к современности, текущим событиям, не ограничиваясь решением общих вопросов. Редакция как бы признавала недостатком "Молвы" некоторую умозрительность и обещала преодолеть ее. Упоминалось и о бо́льшем внимании к изящной словесности.

В заметке "От Молвы", напечатанной в конце последнего (38-го) номера, редакция вновь подводила итоги прошлому и намечала задачи на будущее. Она заявляла, что прошедший год уяснил для читателей основные начала газеты. С точки зрения редакции стало очевидно, что московская журналистика, по сравнению с петербургской, начинает играть все бо́льшую роль в обоих своих направлениях: славянофильском и западническом. Редакция признавала, что ее острая и резкая полемика с противниками выходила за литературные рамки, обещала изменить тон споров, хотя по-прежнему возражала против вялости и уклончивости в журнальной борьбе. Сообщая о московских периодических изданиях 1858 г., она заканчивала перечень их словами: "и будет продолжаться Молва" (427). Этим словам не суждено было сбыться. 23 января 1858 г. в № 18 "Северной пчелы", а затем и в других московских и петербургских газетах за подписью Шпилевского появилось "Объявление от редак-

[14] № 393, лл. 1, 2, 28.

ции газеты "Молва"": "По особым непредвиденным обстоятельствам издание газеты "Молва" на 1858 год прекращается". Здесь же сообщалось, что деньги будут возвращены подписчикам. Вышестоящие власти до последнего момента ничего об этом не знали или делали вид, что не знают. По поручению министра, Главное управление цензуры 27 января просит сообщить Московский цензурный комитет, был ли он уведомлен редакцией о прекращении издания. В черновике стоял вопрос: что известно о причинах этого прекращения?[15] Видимо, решили не проявлять особого любопытства, и вопрос оказался зачеркнутым. Московский цензурный комитет, Главное управление цензуры принимают к сведению "Объявление" редакции и сообщение Бессомыкина, что он подписал его[16]. Вероятно, принимают с удовольствием: газета, доставлявшая им так много хлопот, прекратила существование.

---

15 ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, 1857, № 4294, л. 9, 9 об. МГА, ф. 31, оп. 5, № 402, л. 36.

16 МГА, ф. 31, оп. 5, № 398, л. 41. об. - 55. ЦГИАЛ, № 4294, л. 10, 11.